

К ЮБИЛЕЮ КОЛЛЕГИ

Э.Ю. Соловьёв как историк философии: наследие и проект

Л.Т. Рыскельдиева

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
295007, просп. Академика Вернадского, д. 4, Симферополь, Россия
ryskeldieval@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена 90-летию юбилею Эриха Юрьевича Соловьёва, видного российского историка философии. Осуществляется реконструкция его наследия: целостный подход к философско-правовому наследию И. Канта, особое понимание и реализация историчности в герменевтике философской классики, оценка исторического значения философов-шестидесятников, поколения, к которому принадлежит сам Соловьёв. Историко-философские исследования Эриха Юрьевича позволяют говорить о его интеллектуальном творчестве не только как о наследии, но и как о проекте – предлагаемой в его работах будущим поколениям историков философии рефлексивной установки, которая может влиять на креативность исследователя в настоящем и в будущем. Она реализуется в осознанном ученическом отношении к классике, позволяющем не путать современность с актуальностью, в представлении об обязанности каждого историка философии ставить и самостоятельно решать вопрос о том, что такое история философии, а также в ориентации на историко-философскую публицистику.

Ключевые слова: Э.Ю. Соловьёв, история философии, отечественная философия, философы-шестидесятники, философская публицистика

Для цитирования: Рыскельдиева, Л.Т. «Э.Ю. Соловьёв как историк философии: наследие и проект». *Историко-философский ежегодник* 39 (2024): 6–19.

Поступила в редакцию: 29.06.24

Принята к публикации: 26.07.24

Erikh Yu. Soloviov as a Historian of Philosophy: Legacy and Project

Lora T. Ryskeldiyeva

Vernadsky Crimean Federal University

295007, 4 Vernadskogo Prospect, Symferopol, Russia

ryskeldieval@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the 90th anniversary of Erikh Yu. Soloviov, a prominent Russian historian of philosophy. His legacy is reconstructed: a holistic approach to the legal heritage of I. Kant, a special understanding and realization of historicity in the hermeneutics of philosophical classics, an assessment of the historical significance of the Soviet “philosophers of the sixties,” the generation to which Soloviov himself belongs. Erich Iurievich’s research in the history of philosophy allows us to talk about his intellectual work not only as a legacy, but also as a project: as a reflexive attitude that can influence the creativity of researchers in the present and in the future. It is realized in a conscious student’s attitude to the classics, which makes it possible not to confuse timeliness with relevance; in the idea of the responsibility of every historian of philosophy to raise and answer on his own the question of what the history of philosophy is; in an orientation towards journalism in historian of philosophy’s work.

Keywords: Erikh Yu. Soloviov, Russian philosophy, philosophers of the sixties, journalistic history of philosophy

For citation: Ryskeldiyeva, Lora T. “Erikh Yu. Soloviov as a Historian of Philosophy: Legacy and Project.” *History of Philosophy Yearbook / Istoriiko-filosofskii ezhegodnik* 39 (2024): 6–19. (In Russian)

Received: 29.06.24

Accepted: 26.07.24

В апреле 2024 г. исполнилось 90 лет Эриху Юрьевичу Соловьёву. Наш юбиляр – пример единства обеих частей известной дихотомии профессии и призвания (*professio*). Эрих Юрьевич Соловьёв – один из авторитетнейших историков философии в нашей стране. Как историк европейской философии он всегда следует профессиональной максиме и остается в определенных предметных рамках. А по призванию это человек, обладающий глубокой интуицией смысла, когда речь идет о философском тексте.

Быть хорошим историком философии в наши дни нелегко, и недаром Ханс-Георг Гадамер в свое время признал, что наличие у нас великих предшественников может сделать из современного философствования либо не более чем «возвышенный опыт», либо откровенное «валянье дурака»¹. Однако исследовательское наследие Соловьёва может этот тезис опровергнуть. В том числе потому, что он очень хорошо понимает смысл признания классика философской герменевтики и место нашего времени и нашей философии в истории. Что можно включить в наследие Эриха Юрьевича?

Наследие

Осмысление явления «шестидесятников»

Соловьёву удалось предельно осмыслить и по достоинству оценить эпоху «шестидесятников»: это свое поколение он пронзительно назвал «послевоенным братством отцов и детей»². Особенности послевоенной эпохи, по его словам, наградили это поколение тем, чему может позавидовать любое

¹ Х.-Г. Гадамер, *Истина и метод*, пер. Б.Н. Бессонова (М.: Прогресс, 1988), 39–40.

² Э.Ю. Соловьёв, «“Философы-шестидесятники”: послевоенное братство отцов и детей», в *Философские поколения*, под ред. Ю.В. Синеокой* (М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2022).

* Доктора философских наук, члена-корреспондента РАН Ю.В. Синеокому Министерство Юстиции Российской Федерации 16.02.2024 признало иностранным агентом.

другое: уверенностью в том, что у них «есть судьба и что она сбывается», уверенностью, с которой можно произносить местоимение «мы», и культом учебы. Реконструировав образ своего поколения и дав ему оценку, Эрих Юрьевич задал нам, его ученикам и читателям, очень высокую планку, а показав источник интеллектуальной энергии этого поколения, объяснил, откуда вышли наши замечательные учителя ИЗФ, историки зарубежной философии, по переводам и интерпретациям иноязычных философских текстов которых мы все в свое время учились в университете.

Работа с философскими текстами

Эрих Юрьевич как автор знаменитой статьи о том, как писать хорошие статьи³, демонстрирует особую саморефлексию, направление которой одновременно свидетельствует о ее глубине. Эта рефлексия связана со способностью рассказать о том, как устроен его рабочий стол, как работает его «кухня», на которой «готовятся» тексты. Надо признаться, что название для этой моей небольшой юбилейной заметки я позаимствовала у юбиляра, следуя его же совету проявлять смелость в таких заимствованиях. Ведь они сродни единственному средству от пресловутого валяния дурака – Ясперсову диалогу с великими философами, то есть умению работать с философскими текстами.

Такой диалог не чужд Соловьёву, о чём свидетельствует его оценка философской биографии как серьезного жанра историко-философского исследования: только серьезное исследование в биографическом жанре, по его мнению, может дать целостную картину работы ума одного человека и стать основой интерпретации или реконструкции его взглядов на отдельные проблемы. Оно же может помочь уберечься от герменевтиче-

³ Э.Ю. Соловьёв, «История философии в регистре публицистики», в *История философии в формате статьи*, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая* (М.: Культурная революция, 2016), 71–109.

* Доктора философских наук, члена-корреспондента РАН Ю.В. Синеокая Министерство Юстиции Российской Федерации 16.02.2024 признало иностранным агентом.

ских ошибок, связанных с нашим естественным желанием вчитать и вписать в ум Другого свои мысли, а потом найти в его текстах цитаты для подтверждения своего замечательного понимания. Настоящий диалог в духе Ясперса начинается, полагаю, именно тогда, когда я не понимаю собеседника, когда для его понимания от меня требуется серия герменевтических усилий.

Так, целостный подход к кантовской философии права⁴ продемонстрирован Соловьёвым на материале всего наследия Иммануила Канта. Основной тезис его реконструкции кантовского философско-правового учения – о *взаимодополнительности* морали и права. Очевидно, что автор такого рода философской биографии уже не просто биограф, а умный и понимающий собеседник. Только такой собеседник может увидеть во всём огромном кантовском наследии одну главную мысль, смысл и цель которой в идее самоуважения, в указании на средства формирования такого отношения читателя к себе. Это отношение позволяет ему возвышаться в собственных глазах, а свою жизнь оценивать по усилиям, потраченным на расходование этих средств. Мысль совсем короткая: «собственное совершенство и чужое счастье» (MdS 385).

В этой оптике становится ясно, почему в статье Соловьёва о шестидесятниках в качестве героя выведен З.А. Каменский, послуживший, по воспоминаниям автора статьи, примером верности самому себе; следуя этому примеру, Эрих Юрьевич делал всё, чтобы сохранить и упрочить критическое отношение к себе самому⁵.

Методология историко-философских исследований

История философии как предмет и дисциплина в России всегда имела особый статус, именно ее коснулось послабление после отмены преподавания философии в 1850 г. и введения

⁴ Э.Ю. Соловьёв, *Категорический императив нравственности и права* (М.: Прогресс-Традиция, 2005).

⁵ Э.Ю. Соловьёв, «Философы-шестидесятники», 290–291.

нового университетского Устава в 1863 г. История философии выглядела наиболее беспристрастной частью философии: в ней, имеющей дело с Платоном и Аристотелем, казалось, будет трудно проявить неблагонадежность. Однако во времена холодной войны именно историки философии под рубрикой «Критика современной буржуазной философии» рассказывали нам о том, что творится в умах людей за пределами Советского Союза. Таким рассказчиком для нас был и Эрих Юрьевич.

В его работах по истории зарубежной философии хорошо видна исследовательская логика или, точнее, археология исследовательского интереса: от первых ярких работ о модном в то время экзистенциализме⁶ через реконструкцию кантовской классики⁷ к Мартину Лютеру⁸. От «шума и ярости» экзистенциалистских текстов (как о них точно отзывался М.К. Мамардашвили), в которых хорошо улавливалось беспокойство и фрустрации нашего современника – к природе Лютерова «на том стою и не могу иначе». Между ними – глыба И. Канта, создателя парадигмы мышления европейской современности, ее мировосприятия и мироотношения. Именно эту парадигму старательно хотят сломать представители т.н. постсовременности, но у них пока ничего не получается. Безуспешность их стараний становится понятной, если внимательно изучать работы Соловьёва, содержащие анализ и интерпретацию кантовского внутреннего мира: для такого слома требуется ум, равный по масштабу кантовскому, а также кантовские честность и смелость перед самим собой. Как кантовед Эрих Юрьевич показал то, что я стала называть «вертикальным долженствованием»: такое измерение кантовской деонтологии, в котором мой долг не основан на договоре, соблюдая который я могу достичь какой-то

⁶ Э.Ю. Соловьёв, «Экзистенциализм (Историко-критический очерк)», *Вопросы философии*, № 3 (1966), № 1 (1967); Э.Ю. Соловьёв, *Экзистенциализм и научное познание* (М.: Высшая школа, 1966).

⁷ Э.Ю. Соловьёв, «Теория “общественного договора” и кантовское моральное обоснование права», в *Философия Канта и современность*, под ред. Т.И. Ойзермана (М.: Мысль, 1974), 184–235.

⁸ Э.Ю. Соловьёв, *Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время* (М.: Молодая Гвардия, 1984).

цели. Напротив, он является результатом моего свободного выбора, актом моего разума, со всей трезвостью понимающего и принимающего свои пределы. Вертикаль должностования соединяет меня и этот предел.

Изложения продуманной и последовательной методологии истории философии в трудах Соловьёва мы не найдем, но если задаться поиском объединяющего их начала или единства максимы, то методологические вопросы возникнут неизбежно. Как проводить историко-философские исследования?

Может быть, выборочно, т.е. выбирать себе единомышленника и быть, например, специалистом по Л. Витгенштейну и непременно витгенштейнианцем? Именно так, судя по всему, становятся настоящими учеными в «своей» области, например *бердяевоведении*, не говоря уже о канто- или аристотелеведении.

Может быть, авангардистски, в духе постмодернизма как разновидности пролеткульта? Критиковать всю академическую философию, а в исследуемом историко-философском материале находить аргументы против институционализации свободного мышления?

Может быть, популярно (с целью популяризации), т.е. искать новые форматы повествований о философии, которые можно было бы адресовать широкой публике, используя при этом фигуры известных философов? Сейчас это прежде всего комиксы, которые постепенно могут стать вполне серьезным (на фоне других) форматом.

Тогда по какому ведомству будет прописано философское востоковедение, голос которого становится всё более слышимым, а исследования всё более влиятельными? Оно постепенно выписывается из истории философии, и особенно это заметно на фоне современных поисков в области философии сознания, получающих стимул от IT-сферы.

Что такое «историк философии» сейчас, когда существует «Кант-бот», когда появляется возможность поручить сбор и первичную обработку данных своему цифровому двойнику (такие уже есть!), который потом твоими словами расскажет тебе о результатах своей/твоей работы? Можно ли сейчас быть историком философии в классическом, гегелевском, смысле? Полагаю, что можно, а сохранится ли такая возможность в будущем,

зависит от нас – захотим ли мы учиться у наших учителей? Историк философии – это не тот, кто знает всё про жизнь и творчество философов; история философии – это, скорее, способ или формат мышления, к которому можно иметь способности, и эти способности можно успешно развивать в процессе учебы. В этом отношении работы Эриха Юрьевича – уникальный материал для развития этих способностей у молодых историков философии.

Проект

То, что работы Соловьёва не только предлагают ответы, но и порождают вопросы, дает возможность увидеть в них как наследие, так и проект, осуществлением которого может стать упомянутая выше учеба. В этом проекте основополагающими для историка философии будут следующие ориентиры, одно-значно вычитываемые из работ самого Эриха Юрьевича.

Историчность как не-злободневность и не-актуальность

Экзистенциализм, заведший европейский разум в тупик, стал своеобразным начальным пунктом историко-философских исследований Соловьёва. Если считать экзистенциалистский надрыв поверхностью или актуальностью европейской культуры в 50–60-е гг., что мы обнаружим под ней? Мы неизбежно встретим Канта, установившего границы и возможности разума, тем самым положив начало критике культуры. А на чём основана эта культура, каковы ее специфические черты? Ее религиозный пафос, исходную интуицию и общее настроение задал молодой Лютер. Лютеровой архитектонике европейского разума следовал Эрих Юрьевич в истории своих исследований и интересов. Такой целостный подход позволяет историку философии видеть место своих вопросов о существовании – возникновении, хранении и трансляции – той философской традиции, которую он изучает. Определив «точку отсчета» рассматриваемой традиции, мы с большей вероятностью правильно

поймем и оценим любой текст, рожденный в этой традиции, а также скорее обнаружим текст, из нее выпадающий. Совершенно неслучайно в истории философии Э.Ю. Соловьёва И. Кант соседствует с В.С. Соловьёвым.

Где нахожусь я как автор историко-философского текста? Это основной вопрос, заданный с позиции историчности, а не из актуальности, заданный так, что историчность противостоит злободневности. Какое количество сведений о личности мыслителя и обстоятельствах его жизни нужно учитывать, чтобы понимать смысл текста, созданного им? Есть ли тексты, для понимания смысла которых не нужны все эти сведения? Это вопросы, указывающие на своего рода метафизический компонент в работе историка философии. Получить на них ответы нельзя без обращения к классике.

Философская классика как мерило и гарант смысла

Кажется, что левизна и эмансипирующее воздействие интерпретации любого философского текста, вышедшего из-под пера шестидесятника, ожидаемы. Ведь под рубрику «критика современной буржуазной философии» с охотой могло бы встать большое количество левых мыслителей от культового Жиля Делёза до сегодняшнего онлайн-гуру Резы Негарестани. Эта рубрика не устарела и в наши дни. Буржуазность актуальной философии, ее вульгарный прагматизм эпохи «Золотого тельца» выражается в ожидании от нее практической отдачи – и вот, зарождаются «философия среднего бизнеса», «философия обуви», философские чат-боты. Я не знаю, в какой степени можно считать эту тенденцию изжитой. Идеологические или прикладные крайности (с одной стороны, псевдоэмансипирующая критика властей, с другой – требования поставить философию на службу кому бы то ни было) не уравниваются золотой серединой Стагирита и Конфуция. Именно воспроизводящая себя в традиции классика «обезвреживает» всё, что может привести к таким крайностям. Философская классика, получающая новую жизнь с каждым новым поколением

мыслителей – беспроектный проект, а основные приемы работы в его рамках убедительно продемонстрированы исследованиями Соловьёва.

Ученичество

Ученичество – это одно из любимых слов Соловьёва. Употребляя его, он, полагаю, имеет в виду не Гадамерову реабилитацию авторитета, а именно скромное ученическое отношение к классике, на которой можно совершенствоваться всю жизнь, ученически уважительное отношение ко времени. Время достойно почтения: историк философии должен быть способен его *уважить*, придать ему *важность* (*вага*, вес, тяжесть) – ведь наше прошлое объясняет нам нас самих⁹. Такое уважение исключает консюмеризм в отношении классики – стремление использовать ее для решения своих проблем, вчитать в классические тексты ответы на наши вопросы. Ученичество исключает непосредственное решение учителем проблем ученика. Наверное, именно поэтому сами тексты Эриха Юрьевича не ситуативны, они принципиально *не-злободневны*. Разумеется, работы Соловьёва в определенной степени – плод его эпохи, однако из них вычитываются вопросы, которые можно задать в любое время и любому, кому небезразличен смысл. Только классика учит задавать такие вопросы. Видимо, поэтому его кантианские исследования, выдержанные в духе почтения к первоисточнику, чуткие к нему, так востребованы сегодняшними студентами¹⁰.

Актуально ли живое ученическое отношение к классике сейчас, в эпоху почти неограниченной (по крайней мере, в области истории философии) информации, когда каждый может, пусть виртуально, просмотреть копию первого издания какого-

⁹ Э.Ю. Соловьёв, *Прошлое толкует нас: Очерки по истории и философии* (М.: Политиздат, 1991).

¹⁰ Э.Ю. Соловьёв, «Теория общественного договора» и кантовское моральное обоснование права», в *Философия Канта и современность*, под ред. Т.И. Ойзермана (М.: Мысль, 1974).

либо классического текста или его новую, критическую версию? Уверена, вопрос риторический.

Что такое история философии?

Если для историка философии этот вопрос не имеет смысла, у него серьезные профессиональные проблемы. Разумеется, однозначного ответа на этот вопрос нет, но задаться им обязан каждый, кто занимается историей философии, как бы он себя ни идентифицировал – историком или философом. Думаю, что методологическое напряжение дилеммы «история философии: история или философия?» может быть если не снято, то существенно понижено, если в духе Ясперса в историке философии видеть в первую очередь человека, ведущего работу с текстами. Тогда застывший теоретический вопрос «что есть?» можно переформулировать в практический «что делает?» или даже «что должен делать?». Соловьёв дал на него свой (конечно, творческий) ответ, сказав, что он занимается *реконструктивной импровизацией*. Эту стандартную дилемму Эрих Юрьевич разрешил, обнаружив своеобразный баланс между бережным хранением доставшегося нам исторического наследия и его задействованием в решении значимых именно для нас проблем. При этом интеллектуальную топологию историко-философских исследований он в докладе на программной конференции, организованной Н.В. Мотрошиловой, описал с помощью метафор музея и театра¹¹. Сам Соловьёв неспроста предпочитает образ театра: очевидно, по его убеждению, профессиональный историк философии должен умело использовать воображение и драматически убедительно выстраивать свой исследовательский текст. Не «объективность», а персональная заинтересованность, личностное интеллектуальное отношение, обоснованный субъективизм – вот какими достоинствами должна быть отмечена хорошая работа по истории философии. И Соловьёв вполне

¹¹ Э.Ю. Соловьёв, «История философии как музей и театр», в *История философии: вызовы XXI века. Материалы Международной научной конференции*, под ред. Н.В. Мотрошиловой (М.: Канон+, 2014).

осознанно проявляет эту, я бы сказала, ответственную пристрастность, честно признаваясь, что Сартр как «персонаж» его работ – всегда Сартр, а Кант – неизменно он сам. Последнее находит отражение и в оценках читателей его работ, признающих, что Сартр в описании Соловьёва как персонаж вызывает у них «отвращение»¹². Тогда максимум историко-философских реконструктивных импровизаций Эриха Юрьевича можно сформулировать предельно просто: «моя интерпретация – моя ответственность». Другими словами, один из параметров историко-философского проекта нашего юбиляра – требование профессиональной саморефлексии, способность ответить на вопрос «что я делаю?».

История философии как публицистика

Понятие «историко-философская публицистика»¹⁵ указывает на целый горизонт профессиональной деятельности, которую сегодня можно и нужно противопоставить философским комиксам и кинематографическому инфотейнменту; на мой взгляд, осмысление и совершенствование этого жанра представляют собой самую важную часть историко-философской работы Соловьёва.

Нужна ли в наше время широкой публике история философии? Этот вопрос можно считать устаревшим! Уже в совсем далеком, казалось, прошлом В.С. Соловьёв писал о «все увеличивающемся меньшинстве» тех, кто имеет потребность в опыте философской мысли. В наши дни это «меньшинство» составляет огромную аудиторию. Если историко-философская публицистика нашего (и будущего?) времени сможет сохранить то огромное уважение к читателю, которым проникнуты работы Э.Ю. Соловьёва, то «ага-переживание», которым сопровождается их чтение, то «чудо понимания», которое они способны подарить, смею надеяться, искомая *метанойя* (как цель живого философского диалога) может быть достигнута.

¹² Э.Ю. Соловьёв, «Историко-философская публицистика (приметы и требования)», *Философия и культура* 77, № 5 (2014): 732–733.

¹⁵ Э.Ю. Соловьёв, «История философии в регистре публицистики».

Список литературы / References

- Гадамер, Х.-Г. *Истина и метод*. Перевод Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
- (Gadamer, Hans-Georg. *Wahrheit und Methode*. Übersetzt von B.N. Besonov. Moscow: Progress Publ., 1988. (In Russian))
- Соловьёв, Э.Ю. «История философии в регистре публицистики». В *История философии в формате статьи*, под редакцией Ю.В. Синекоой*, 71–109. М.: Культурная революция, 2016.
- (Soloviov, Erikh Yu. «The History of Philosophy in the Framework of Journalism». *History of Philosophy in the Form of an Article*, edited by Yu.V. Sineokaya*, 71–109. Moscow: Kulturnaia revoliutsia Publ., 2016. (In Russian))
- Соловьёв, Э.Ю. «История философии как музей и театр». В *История философии: вызовы XXI века. Материалы Международной научной конференции*, под редакцией Н.В. Мотрошиловой, 142–147. М.: Канон+, 2014.
- (Soloviov, Erikh Yu. In «[The History of Philosophy as a Museum and a Theater]», [*History of Philosophy: Challenges of the XXI Century*], edited by Nelli V. Motroshylova, 142–147. Moscow: Kanon+, 2014. (In Russian))
- Соловьёв, Э.Ю. «Историко-философская публицистика (приметы и требования)». *Философия и культура* 77, № 5 (2014): 731–744.
- (Soloviov, Erikh Yu. «[Journalistic History of Philosophy (Signs and Requirements)]», *Philosophy and Culture* 77, no. 5 (2014): 731–744. (In Russian))
- Соловьёв, Э.Ю. *Категорический императив нравственности и права*. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- (Soloviov, Erikh Yu. [*The Categorical Imperative of Morality and Law*]. Moscow: Progress-Traditsia Publ., 2005. (In Russian))
- Соловьёв, Э.Ю. *Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время*. М.: Молодая Гвардия, 1984.
- (Soloviov, Erikh Yu. [*The Undefeated Heretic: Martin Luther and His Time*]. Moscow: Molodaia gvardia Publ., 1984. (In Russian))
- Соловьёв, Э.Ю. *Прошлое толкует нас: Очерки по истории и философии*. М.: Политиздат, 1991.

* Доктора философских наук, члена-корреспондента РАН Ю.В. Синекою Министерство Юстиции Российской Федерации 16.02.2024 признало иностранным агентом.

- (Soloviov, Erikh Yu. [*The Past Interprets Us: Essays on the History and Philosophy of Culture*]. Moscow: Politizdat Publ., 1991. (In Russian))
- Соловьёв, Э.Ю. «Теория общественного договора» и кантовское моральное обоснование права». В *Философия Канта и современность*, под редакцией Т.И. Ойзермана, 184–236. М.: Мысль, 1974.
- (Soloviov, Erikh Yu. «[“The Theory of the Social Contract” and Kant’s Moral Justification of Law]», In [*Kant’s Philosophy and Modernity*], edited by Theodor I. Oizerman, 184–236. Moscow: Mysl Publ., 1974. (In Russian))
- Соловьёв, Э.Ю. «Философы-шестидесятники»: послевоенное братство отцов и детей». В *Философские поколения*, под редакцией Ю.В. Синеокой*, 285–317. М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2022.
- (Soloviov, Erikh Yu. «[“Philosophers of the Sixties”: the Post-War Brotherhood of Fathers and Children]», [*Philosophical Generations*], compiled and edited by Yu.V. Sineokaya*, 285–317. Moscow: LRC Publ., 2022. (In Russian))
- Соловьёв, Э.Ю. *Экзистенциализм и научное познание*. М.: Высшая школа, 1966.
- (Soloviov, Erikh Yu. [*Existentialism and Scientific Knowledge*]. Moscow: Vyshaya Shkola Publ., 1966. (In Russian))
- Соловьёв, Э.Ю. «Экзистенциализм (Историко-критический очерк)». *Вопросы философии*, № 12 (1966): 76–88, № 1 (1967): 126–139.
- (Soloviov, Erikh Yu. «[Existentialism (Historical and Critical Overview)]». *Voprosy Filosofii*, no. 12 (1966): 76–88, no. 1 (1967): 126–139. (In Russian))

* Доктора философских наук, члена-корреспондента РАН Ю.В. Синеоку Министерство Юстиции Российской Федерации 16.02.2024 признало иностранным агентом.